

Очень красивые картинку

ПЕРЕКЛЮЧАЕМ КАНАЛЫ

На телеэкране много людей, машин, предметов бытового употребления и неизвестного назначения. Лица и фигуры, дома и дороги. Много столов и трибун, микрофонов и камер – это уже не быт, это – официоз; не кухня, а зал заседаний. Всё узнаваемое и похожее на то, что видели день, месяц и год назад. И – некрасивое, хотя и не уродливое: не запоминающееся, обычное, однообразное.

И вдруг – странно чистенький, полный нарядных деталей и эффектных зданий город. То ли новенький, то ли вообще ещё не существующий. То ли рекламой созданный образчик мечты, то ли где-то заснятый и не обжитой кусочек реальности. Террасы и лестницы, указатели на русском – значит, это где-то у нас? – и английском языках. Транспортные развязки – внятные и удобные. Дома – элегантные и соразмерные человеку.

Нет, не макет, а если и реклама, то товара непросто-го и дороговатого: государства во всей полноте его признаков и возможностей. Город нефтяников, столица нефтяной империи – сибирская фантазия под названием Ханты-Мансийск. И ходят по нему высшие чиновники Европейского Союза, не отдавая себе отчёта в том, какая часть света и какое место страны России у них под ногами. Думают, видно, что и в Сочи с его предстоящей Олимпиадой, также всё рационально, аккуратно и комфортно; и в Казани с её предстоящей Универсиадой и недавно прошедшим юбилеем так же. И – может быть – думают, и во всей России тоже?

Город в Тюменской области выглядит в эти летние дни действительно солнечным и нарядным, не просто чистым, выметенным, но богатым, поскольку понятно, во что должны были обойтись архитектурные опусы, по которым скользит камера, – этакие стеклянно-бетонные «чумы», которые влору оказываются и в Сиднее, и в Шанхае, и в Мехико. А уж когда в ночи с трапов самолётов стали спускаться президенты финно-угорских стран, да в огромном зрительном зале запестрели узоры и цвета национальных костюмов, картинка стала такой красивой, что смысл, стоявший за нею, просто не воспринимался. Смысл же был весьма показательным: не в ссылку, как в далёкие советские годы, а в гости к российским собратьям прибыли руководители европейских, не самых крупных, но самодостаточных стран – Венгрии, Финляндии и даже Эстонии. Однако о ходе переговоров (завершившихся, судя по иным источникам, неудачно) в красивом далеком городе как-то в субботней расслабленности так и не рассказали.

И ещё один красивый город обнаружился на телеэкране, ещё одна красивая картинка. Там рукотворный водопад из какого-то чуть ли не строительного мусора собран приезжим скульптором, и мерцание огней по ночам будет несколько месяцев поражать жителей и приезжих. Странное такое сооружение, и само искусственное, и окружение его ненатуральное, посреди бывшей пустыни вы-

росшее в виде города. И если даже город сам по себе не так уж хорош, хоть и объёмом велик, если есть там и грязь, и архитектурные противоречия, то показанная эфемерная красота, растиражированная на телевизионной картинке, впечатляет и наверняка запомнится и тем, кто увидит её в натуральном виде, и тем, кто только по телевизору.

Город этот известен разными своими приметам и разными происхождениями там событиями. И название его меньше всего связывается с понятием красоты, хотя с понятием картинки – вполне. Этакая заокеанская фантазия под названием Нью-Йорк. А в ней – ещё одна фантазия, подаренная скульптором и предназначенная для скорого исчезновения.

Красота наступала отовсюду. Непоздним субботним вечером переключение каналов дало неожиданный результат: по «Культуре» вне программы шла трансляция из Кремля концерта, посвящённого 1020-летию крещения Руси. Красота на сцене планировалась немыслимая, ибо почему бы ещё там возник белорусский ансамбль, который что-то как будто танцевал, причём дамы и кавалеры были в одинаковых по покрою хитонах, но у кавалеров на ногах при этом виднелись не балетки, а то ли сапоги, то ли валенки. Да ещё у всех на головах – венки из чего-то, издали напоминавшего берёзу. Всё худшее, архаичное и художественно невыразительное, что было в псевдонародных танцах многодесятилетней давности, продемонстрировали в этой «красивой картинке» устроители концерта. Почему-то решив: если в честь религиозного праздника, если нужно соблюсти благолепие, но в такой вот совершенно «советской» и ни к религиозным, ни к культурным в широком смысле традициям отношения не имеющей форме. Мало того: ещё и на заднике (созданном уж не самым ли у нас модным дизайнером-сценографом Красновым?) виднелись и золотые купола, и чередовавшиеся намёки на святые образы, выполненные в помпезно-невнятной манере. И была бы усредненной эта, старавшаяся казаться красивой «картинка», если бы в финале не вышел Святейший Патриарх, приветствовавший участников вечера. Но это уже совсем про другое, и не «картинка» вовсе, а событие.

Казалось бы, событие: завершение длительного и сложного этапа предвыборной борьбы в США. Не только, однако текст всех корреспондентов, сообщающих об этом по разным нашим каналам, но и, разумеется, картинки – одинаковые. Лицемерные, чтобы не сказать брезгливые

объятия и улыбки двух недавних соперников, каждый из которых мало подходит этой стране на должность президента. Он – темнокожий; и молод, и образован, и харизматичен, но соблюдать по отношению к нему политкорректность будет там трудно, всё же он не киноперсонаж... Да и его соперница тоже вряд ли сможет ему помочь в обретении власти, ибо у них, там, феминизм, конечно, силён, даме кавалер не осмелится подать пальто, чтобы не быть обвинённым в домогательстве (кстати, нынешний претендент свою визави-претендентку прямо при публике даже за талию приобнял), но допустить даму к верховной власти вряд ли смогут. Так что картинка хороша: темнокожий плюс белая женщина равняется... А вот событие, стоящее за этой картинкой, трактуется прямолинейно и ужасно однообразно.

Телевидение с удовольствием показывает дамские прелести, не упустив возможности вернуться к Венскому балу в Москве с новоявленными светскими красавицами вроде спортсменки-депутата Хоркиной. Особая прелесть другой дамы из политического бомонда стала объектом изображения на всех каналах, когда переговоры с российским премьером Путиным попробовала провести украинский премьер Тимошенко. Одета как всегда стильно, причём именно в собственном стиле, со всеми положенными буфами-бусами-каблучками, она на одних картинках сидела в кресле, на других стояла за пюпитром; но речь её звучала неуверительно при всей старательности произнесения слов о какой-то там готовности к каким-то там акциям. Да ещё она словно забыла, что рядом с нею на этих переговорах не человек-картинка, а весьма решительный и привыкший к авторитарным проявлениям российский лидер; она работала картинкой, а он работал переговорщиком, преклонным и уверенным в себе. И опять – «картинка» вступила в неравное соотношение с «событием».

Красивые картинки были снабжены на телевидении антуражем из воздушных шариков; такой вот модный и распространённый, между прочим, не самый дорогостоящий аэродизайн. Он и у нас применяется по любому поводу, вот и красивый имперский город Петербург разноцветными шариками как-то по-деревенски разукрасили в честь очередного молодежного «мероприятия». Он и в Бразилии, на жёлтом пляже красными массами, возник, причём шары были не для украшения, а в знак протеста в количестве нескольких тысяч сначала нитями привязаны, а потом в воздух выпущены.

Картинки же, независимо от событий – радостных или драматических, по поводу которых запускали шары и информацию, – были похожими и потому не слишком выразительными. Разницы между «картинками» и «событиями» на телеэкране не чувствуется – ни на прошедшей неделе, ни вообще.

Татьяна ЗЛОТНИКОВА,
доктор искусствоведения.